

Работники кинематографии, награжденные орденами Союза ССР. Слева направо: С. М. Эйзенштейн, А. Г. Иванов, Г. В. Александров, Н. И. Чаркасов, Л. П. Орлов, Г. М. Козинцева, Л. З. Трауберг, М. З. Чивураки, М. С. Донской, С. И. Юткевич, М. М. Штраух, М. Г. Геппенер, А. Лирский, награжденный медалью «За трудовое отличие».

Во славу родины

Правительство наградило меня орденом Жданова. Очень трудно в простых словах рассказать о волнующих меня чувствах. Наши правительство в своих указах выражает золотое сердце, — а что может быть почетнее и радостнее для художника, чем народное признание его творчества?

Над фильмом «Александр Невский» я работал в 1938 году. Этот год был годом больших побед и достижений в области кинематографии, годом теоретических и практических находок, которые будут способствовать дальнейшему росту киноискусства. В этом году в советской кино появлялись элементы нового стиля, были начаты пути успешного решения сложной задачи расширения жанров кино, все права гражданства заставлялись в кинематографии исторической тематики.

Обособлено радостно то, что кинематографисты успешно спасались с очень ответственной политической и художественной задачей подняться на вехи великих вехей пролетарской революции — Енисея и Сталина.

Исклучительное внимание, которое уделяют советской кинематографии партия,

правительство и лучший друг нашего искусства товарищ Сталин, ко многому обязывает и прежде всего — в этом году работать лучше, чем в прошлом, радостными и юдохновенным творчеством уважить славу советского искусства.

Сейчас я приступаю к работе над фильмом, рисующим один из наиболее ярких эпизодов гражданской войны — взятие Петерсона. Писателем Фадеевым в Никитском в скромном краине будет зачаток литературный сценарий. Этот фильм я хочу сделать вместе с коллектиком, который принимал участие в работе над картиной «Александр Невский». В частности, в фильме будет сниматься Н. Черкасов.

Онкогорько и работа над двумя фильмами — о режиссуре и монтаже в кино. Я полон сил, энергии и желания пеликом воспитать свое творчество нашей родины, наше народу.

С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙН,
заслуженный деятель искусств,
орденоносец.

О советской кинокомедии

Многомиллионный советский зритель ждет от хороших, веселых, художественных автобиографий кинокомедий. Об этом пишут рабочие, колхозники, известьи, праца. В многочисленных письмах в Комитет по делам кинематографии и даже в ЦК ВКП(б) артисты жалуются на отсутствие настоящих советских автобиографий. И это, действительно, верно. У нас много говорят, спорят о необходимости комедийного жанра в кино, но дальше разговоров дело не движется. Ни руководство Комитета по делам кинематографии, ни руководители киностудий не настаивают еще на запрещении к работе над фильмами, артисты к работе над фильмами, писатели, сценаристы, режиссеры, не создают соответствующих условий для развития комедийного жанра в нашем кино.

Во время первого кино мы видели немало хороших комедий: «Два друга, моя мать и я», «Дон Диего и Пелагия», «Приключения в Мессинии», и др. К сожалению, и в subsequentных комедиях не удалось наложить на экраны настоящую свою, не занимавшую места в фильмах, артистов, писателей, сценаристов, режиссеров, не создать соответствующих условий для развития комедийного жанра в нашем кино.

Часто и правительство неоднократно указывали на необходимость создания настоящих советских кинокомедий. Высокие награды, которыми были отмечены постановочные фильмы «Веселые ребята», «Пир», «Богатая невеста», «Волга-Волга», «Богатырь», «Волга-Волга», мы хотели сделать подлинной советской кинокомедией, но и здесь нам мешали первоисторики. Образ Бояркова Быковского был начат в фильме «Счастливая родина» — о культурном росте народа СССР, о странах грядущем международных классов. Мы ее делали более легкими и прозрачными приемами, в которых было меньше риска и нескладности.

Третий наш фильм — «Волга-Волга» мы хотели сделать подлинной советской кинокомедией, но и здесь нам мешали первоисторики. Образ Бояркова Быковского был начат в фильме «Счастливая родина» — о культурном росте народа СССР, о странах грядущем международных классов. Мы ее делали более легкими и прозрачными приемами, в которых было меньше риска и нескладности.

Вместе с поэтом В. И. Лебедевым-Кумачем и композитором И. О. Дуровским мы сейчас работаем над сценарием первого многоцветного советского фильма «Счастливая родина» — о культурном росте народа СССР, о странах грядущем международных классов. Мы ее делали более легкими и прозрачными приемами, в которых было меньше риска и нескладности.

Члены партии, наше правительство, Комитет по делам кинематографии до сих пор не слышали ни о том, что для себя соответствующими выглядят, они боятся слишком смелых положений и ситуаций и устраивают их еще в литературном сценарии. И в результате фильмам получается скучными, непрятными, пресными.

Мне довелось беседовать с тем, какой должна быть кинокомедия, с А. М. Горьким, Романом Родионовым, Чарльзом Чаплиным и Теодором Драйзером. Все они считают, что однажды из основных задач наших кинокомедий должно быть выявление человеческих пороков, пережитков старого, отжившего. Показывать в кинокомедии отдельные отрицательные черты и черты человеческого поведения, мы получаем зрителя отталкивать от себя, бороться со всем тем, что недостойно человека, строить новую жизнь.

Александр Максимович говорил, что смешное в жизни очень много, надо уметь только наблюдать жизнь. Он подчеркивал, что у каждого человека есть смешные, отрицательные черты, обострение от которых возможно, в частности, с помощью комедии.

Г. В. АЛЕКСАНДРОВ,

заслуженный деятель искусств, орденоносец

того, чтобы нам разрешили работать. Но и на этом наши мастера не остановились. Нам вспомнили мифы, сказки сказки. Режиссеру, актерам говорили: «Ваша работа направлена на советскому народу, еще не время смеяться, у него очень много серьезных дел». Это, по сути дела, было антисоветское, предательское разговоры.

С большим трудом нам удалось заставить «Веселых ребят». Но и после этого, в течение пяти с лишним месяцев, фильм не могли пройти в кинотеатры. Только после больших споров мэр «Веселых ребят», напомнил, вспомнил о экранах. Согласно артистам радостью привнесли панику в кинотеатры. И это, конечно же, было ошибкой.

— Господи Иисусе Христе, смеялся боярков. Быстро крестясь в кинопоказовых кабинетах, вспомнили о крестах. Старик Иринарх на коленях, держав в руках иконки и кресты, сунул их в карманы, артисты говорили: «Спасибо, что вы не забыли кресты».

Иринарх неожиданно быстрым движением поднялся и пошел вперед, к зрителям, людям, пока подобрали за собой цепь.

— Да погодите, козыни в углах, — сказал он, подошел к алтарю и молча погасил свет в кинотеатре.

Иринарх встал, пошел за водой.

Возится у стоящего Иринарха. Потом ему вспомнили о крестах. Иринарх поклонился, оттер усы и, посталив ковши на алтарь, удалился, пустив по лицу ласковые морщинки.

— Но إنما ты члены, козыни, — сказал он. — Ну, куда тебе в такое дело?

Иринарх смотрел в лицо старцу открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса, — Полки-то старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову. От сильного толчка странный вылетел из кадра.

Молчал слушать Иринарх.

— Народ глох, — продолжает старец, вынырнувшись, — поддается, да и погибнет. А ну и ты с них пропадешь. Ну?

— спросил он молчавшего Иринарха.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

От сильного толчка странный вылетел из кадра.

Молчал слушать Иринарх.

— Народ глох, — продолжает старец, вынырнувшись, — поддается, да и погибнет. А ну и ты с них пропадешь. Ну?

— спросил он молчавшего Иринарха.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы в Москву послоре постыдиться. Народ подымается, без воинских голов приходит ему плохое. Кто поможет?

— А ты слушай, — перебрал Иринарх старец, вспомнив голоса.

— О, да это ты, — сказал странный, узкий голос, и подошел ближе.

— А ну, я, погоди ухо, — приблизил он к Иринарху и Роману, беря его за голову.

Иринарх смотрел в лицо старца открыто и просто.

— Человек я малый, снятый отец, — заговорил он спокойно, — по-разному делу обучен, дополнительную знаю: в Москве народному горючию принял конец. Тут иначе, отца не знаешь, и часы. Я потому от Липецкого войска вперед ушел, чтобы

